

Виктор Кротов

Человек среди религий

Сказки и размышления

Виктор Кротов

**Человек среди религий.
Сказки и размышления**

«Издательские решения»

Кротов В.

Человек среди религий. Сказки и размышления / В. Кротов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833238-8

Множество религиозных учений окружает человека. Каждое утверждает свою правоту и отвергает другие взгляды. Может ли человек сформировать с их помощью устойчивое отношение к религии? Книга предлагает оригинальные, зачастую парадоксальные подходы к этой теме. Автор сопровождает размышления практическими замечаниями, а временами переходит на язык притчи. Даже если прочитать только вошедшие сюда сказки, они расскажут многое о том, чему могут и чему не могут научить нас религиозные учения.

ISBN 978-5-44-833238-8

© Кротов В.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие первое. Книга, написать которую невозможно	6
Предисловие второе. Книга, которую необходимо написать	7
Предисловие третье. Книга, которая написана	9
Глава 1. Философия и религия	10
Философия против философичности	11
Можно ли ориентироваться в тайне?	13
Сказка про путаника	15
Зрячий свет	16
Чувство веры	18
Среди других чувств	20
Сказка про Пофю и Нигугу	22
Учения и постижения	23
Между внутренним и внешним	25
Суперкосмическая сказка	27
Освоение высшей реальности	28
Задачи высшего ориентирования	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Человек среди религий

Сказки и размышления

Виктор Кротов

© Виктор Кротов, 2016

ISBN 978-5-4483-3238-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

На обложке: храм всех религий в Казани.

Предисловие первое. Книга, написать которую невозможно

Чем больше размышляю об этой книге, тем отчётливее вижу, что её совершенно невозможно написать.

Это странно: ведь замысел у этой книги давний, много лет я продумывал её так и этак, писал для неё многочисленные фрагменты. Более того, в эскизном виде эта книга уже написана – и даже опубликована (как глава «Государства чувств»). Но ощущение невозможности меня не оставляет.

Любой историк религии, наверное, компетентнее меня в этой области. Любой специалист по религиозной философии через пять минут разговора разочаруется в моей эрудиции. Любой глубоко верующий человек, какую бы религию он ни исповедовал, слышал более страстные слова о предмете своей веры, чем удалось бы найти мне. Это не самоуничижение и не кокетство, это трезвый взгляд и предупреждение читателю.

Да и будь я семи пядей во лбу, будь я эрудированнее «Британской энциклопедии» и «Большого Ляруса» вместе взятых, разве можно писать обо всех религиях сразу? Разве можно говорить о чувстве веры обобщённо? Да и можно ли называть веру чувством? Разве можно задаваться вопросом о свободном ориентировании человека среди религий, если для подавляющего большинства людей религия (или вера) является чем-то совершенно органическим, в силу самого факта их рождения в определённую эпоху, в определённой стране, в определённой семье?..

Это лишь некоторые из принципиальных невозможностей. Что уж говорить о невозможностях личного плана (вроде необходимости зарабатывать на жизнь в наше не располагающее к отвлечённому мирозерцанию время), о писательской невозможности найти ни одного нового слова, о...

О нет, это *вообще* невозможно.

Предисловие второе. Книга, которую необходимо написать

О религии и о религиях написано великое множество книг: очень уж это важное явление для человеческой жизни. В одних книгах разоблачаются все религии разом или какая-нибудь из них в отдельности. В других проповедуется одна религия и обличаются – как заблуждение или ересь – все остальные. В третьих религия рассматривается как социальный феномен. В четвёртых – как феномен чисто психологический. В пятых – как историческое явление, видоизменяющее свои обличия от эпохи к эпохе и от народа к народу. Можно упомянуть также книги шестого, седьмого и тридесятого типа. Есть и книги, которые ни к одному общему типу не отнесёшь, – книги о личных взаимоотношениях автора или героя с религией, о его персональном чувстве веры. Очень много всего.

Но одну книгу мне найти никогда не удавалось. Может быть, я мало искал или искал не там – но вот, не нашёл. Ту самую книгу, которая когда-то была мне очень нужна. Книгу практическую, помогающую мне, обычному человеку с обычной неразберихой в душе (тогда я не мог причислить себя ни к верующим, ни к атеистам) оглядеться вокруг. Книгу, озабоченную моими реальными проблемами, а не стремлением расширить мою эрудицию, или сделать меня приверженцем определённого религиозного учения, или показать мне пестроту человеческих традиций. Книгу, не разоблачающую и не пропагандирующую, не восторженную и не снисходительную. Спокойную книгу, уважительную ко всякому свету в человеческой душе и помогающую мне искать свой собственный путь, вырабатывать своё собственное отношение к тем важнейшим в жизни вещам, которые выходят далеко за пределы обыденной жизни.

Такая книга была когда-то необходима мне как человеку читающему. Наверное, поэтому она стала необходима мне как человеку пишущему. Если подобная книга уже существует, если даже их окажется много, в этом нет ничего плохого. Пусть кому-то повезёт вовремя встретиться с той из них, которая послужит ему на пользу.

Честно говоря, когда я перечислил сейчас, какой должна быть эта книга, мне захотелось вернуться к первому предисловию и снова заговорить о её невозможности. Но уклониться тоже невозможно. Вдруг такой книги всё-таки нет?

Спокойного и основательного изложения можно было бы достичь, построив эту книгу в виде научной монографии. Тогда она называлась бы «Философия религиозного ориентирования», была бы обильно насыщена цитатами и снабжена солидной библиографией. Только кто бы её читал? Вряд ли она добралась бы до того, кому действительно нужна.

Поэтому я махнул рукой на основательность и систематичность. Решил писать только о том, что мне кажется наиболее важным. Важным не для мировоззренческой теории, а для мировоззренческой практики. И когда ради этого придётся дополнить логическое изложение образным, я с удовольствием перейду на язык сказки – не менее философичного жанра, чем сама философия. В этом тоже есть внутренняя необходимость.

К реальной жизни обращены и добавленные к каждой главе практические замечания. Тот, кому они покажутся излишними, может их пропустить. Так же, как может пропустить сказки тот, кому они покажутся неуместными для серьёзного обсуждения важных тем. А кому, наоборот, покажется обременительной серьёзность, тот может прочитать только сказки. Почему бы и нет?..

В любом случае я буду рад узнать, как именно прочитана моим читателем эта книга и что именно он о ней думает. Мой адрес: *Москва, 125445, до востребования, Кротову Виктору Гавриловичу*. Электронная почта: [битая ссылка] krotovv@gmail.com.

Насущность этой книги ощутима для меня настолько, что работа над ней оказалась как бы внеочередной. После книги «Человек среди учений» должна была идти книга «Человек среди чувств», посвящённая философии внутреннего ориентирования, и лишь затем, опираясь на обе эти книги, – «Человек среди религий». Но я берусь сейчас именно за эту книгу, потому что не могу её откладывать.

Предисловие третье. Книга, которая написана

Вот она.

Глава 1. Философия и религия

Переживать религиозное чувство можно без всякой философии. Но желание *осмыслить* его приводит к необходимости ориентироваться хотя бы в собственном мировоззрении. Понимание философии как ориентирования – главная тема книги «Человек среди учений». Некоторые из её основных идей приведены в этой главе применительно к нашей теперешней теме. Ведь хотя бы краткий предварительный разговор о философии необходим – начиная с того, что же мы понимаем под философией.

Философия против философичности

Иногда может показаться, что главное, на что способна философия, – это располагать человека к философичности.

Может показаться, что это, действительно, высшее достижение в нашем мире привычного столкновения страстей. В мире внешнего противоборства друг с другом и внутренних противоречий с самим собой. В мире, где носится ненависть, зачастую без повода и намордника, где по ерундовому поводу вспыхивает злость, где веселье одних то и дело портит жизнь другим. В мире нервном и невротичном, дурачком и сумасшедшем. В этом нашем непростом мире мы готовы считать философом всякого, кто научился сохранять скептическую отстранённость или ироническую созерцательность, способность к медитации или к адаптации, спокойствие и невозмутимость. Мы больше ценим искусство отойти от противоречий, чем умение их решать. Больше восхищаемся сидящим на пригорке, чем тем, кто пробирается сквозь чащу по своей запутанной тропинке.

Но если мы так запросто соблазнились бы созвучием философии с философичностью, то совершили бы двойную ошибку.

Во-первых, каждый человек, без исключения, – хоть немного философ. У каждого человека есть своё какое-никакое мировоззрение, своё воззрение на внешний и внутренний мир. И тот, кто полон философичности, – по-своему философ, и тот, кто далёк от неё, – тоже.

В самом деле, наше мировоззрение (главный философский итог) проявляется ведь не столько в рассуждениях, сколько в поведении. И молчаливая преданность, например, гораздо философичнее болтливости скептицизма.

Во-вторых, если говорить о философии в целом, то главная её задача – помогать человеку ориентироваться. Ориентироваться в том, что для него, для этого человека, важнее всего. А заодно и уточнять время от времени: что же именно (по степени важности) должно служить предметом ориентирования. И сама по себе философичность вряд ли окажется наиболее насущной задачей.

Так что философичность вовсе не является неременным продуктом философии.

Более того! Философия, помогающая ориентироваться в главном, искать свой путь в жизни, скорее тяготеет этим «продуктом». Практическая, активная философия вынуждена постоянно преодолевать философичность как пренебрежение ориентацией, как желание отдохнуть на обочине. И человек, чьей личной философией является всего лишь философичность (никак не уйти от этого каламбура), вряд ли доберётся до самого ценного, что может дать ему эта область человеческой культуры.

Кто из нас не встречал людей, производящих впечатление мудрецов, но живущих эгоистично и бесплодно, как евангельская смоковница?

Впрочем, философичность не такое уж плохое качество среди прочих человеческих свойств, и многие из нас, опираясь на него, находят свой уверенный стиль бытия. Философичность очень полезна человеку – если не заменять ею философию, если не отгораживаться с её помощью от тайн и откровений жизни.

Здесь мы нащупываем основной смысл родства этих понятий и основной смысл их противопоставления. Философия должна ориентировать нас в главных жизненных решениях. Всё,

что помогает нам в этом выборе и в движении по выбранным ориентирам, родственно ей. Всё, что препятствует, – антагонистично. И если философичность (под именем скептицизма, здравомыслия, ироничности и пр.) мешает философии вести нас к необходимому прорыву в постижении себя и мира, то дело философии – постараться преодолеть её.

Можно ли ориентироваться в тайне?

Каждый сам себе философ, но это не означает, что каждый должен ориентироваться исключительно сам по себе. Навыки ориентирования люди передают друг другу, как и всякие другие навыки, хотя всё нуждается в усвоении и освоении. Так складываются философские учения, и мы вольны выбирать то или иное среди них себе в помощники.

Есть у нас и другие, внутренние помощники (или руководители?) – наш разум и те главные чувства, которые живут в нашей душе. Именно они отзываются учениям и учителям, с которыми сводит нас судьба. Именно они позволяют различать нужные ориентиры и побуждают прислушиваться к ориентаторам. Многое в нашем ориентировании зависит от того, какие из чувств задают тон в нашем внутреннем мире.

Многое, хотя и не всё. Не всё (мы ещё коснёмся этого), хотя и многое.

Наш разум и наши чувства побуждают нас ориентироваться во взаимоотношениях с людьми, в социальном мироустройстве, в логических связях явлений и суждений, в этических проблемах, в осмыслении жизни через искусство, в собственных творческих возможностях. Мы как бы движемся одновременно в нескольких разных лабиринтах существования. Но одно из этих измерений жизни носит совершенно особый характер.

О внутренних переживаниях, относящихся к этой стороне жизни, мы говорим как о *вере*, или о *чувстве веры*.

Круг социальных традиций такого рода, общих переживаний, связывающих людей друг с другом и с неким высшим началом (с Высшим), мы называем религией.

Основная задача философии – помогать человеку ориентироваться в главном.

Основная задача религии – помогать человеку ориентироваться по отношению к Высшему.

Что это такое – *Высшее*? Может быть, у нас и не окажется оснований, чтобы воспользоваться этим словом? Что ж, тогда философское ориентирование должно честно привести нас к признанию того, что религия не в состоянии дать нам реальные ориентиры. Тогда мы скажем, что это направление мышления и жизни не для нас, и перестанем искать своё среди религиозных учений – по крайней мере до тех пор, пока что-то не побудит нас к пересмотру позиции.

Здесь важны и понимание, и личный религиозный опыт. Разновидностью религиозного опыта является и полное его отсутствие.

Даже если мы признаем Высшее реальностью, это не означает, что мы навсегда избавились от сомнений и обрели абсолютно достоверное знание того, с чем (или с Кем) имеем дело. Высшее реально прежде всего как тайна. Впрочем, то же самое можно сказать и о многих других наших центральных ориентирах. Может быть, вообще все они, без исключения, уходят корнями в тайну. Лучше это или хуже для нас – дело вкуса. Но если это так, приходится с этим считаться.

Поэтому результатом личного религиозного ориентирования вряд ли будет исчерпывающее рациональное осмысление проблем веры и религии. Нам важно прежде всего осознать саму возможность религиозного постижения. Важен наш собственный шанс на получение такого опыта и такого внутреннего знания, которые бы нас ориентировали. Может быть, это

позволит нам даже отказаться от философствования на эту тему – как от исчерпавшего своё значение средства.

Философия выводит нас к ориентирам и целям, но сама не может быть ни целью, ни ориентиром. Даже для тех, чьим призванием она становится.

Нет смысла противопоставлять религиозное ориентирование живому чувству веры. Нет смысла противопоставлять его какой-либо конкретной религии, той или иной традиции отношения людей к Высшему. Любое чувство веры, любое религиозное учение относятся к средствам и способам ориентирования.

Вопрос в том, что насущно именно для меня, конкретного человека со своей судьбой и своим путём духовного движения. Вопрос в том, что представляется мне наиболее достоверным, наиболее актуальным, наиболее отвечающим моим собственным проблемам.

Стоит вслушаться в замечательное слово: «достоверный». Достойный веры! Моей веры в то, что это именно так, идёт ли речь о поэтическом предании или о doskonaльном логическом рассуждении.

Признание того, что тайна является прежде всего тайной (нам предстоит ещё не раз обратиться к этому слову), не исключает никаких возможностей познания. Мы можем понимать её – в меру своего разумения, можем быть причастны к ней – в меру своей настойчивости, можем жить ею – в меру своей решимости. Не можем лишь одного: самодовольно полагать, что она зажата у нас в кулаке.

Сказка про путаника

Жил-был путаник.

Подумаешь, какая невидаль, скажете вы. Мало ли на земле путаников?

Согласен, уговорили. Немало, немало на земле путаников. И сам я путаник. А вы? Неужели никогда ни в чём не путались? вспомните как следует... Может быть, одни только путаники на земле и живут. Тогда о ком же ещё писать?

Итак, жил-был путаник. Пошёл он однажды куда-то по своим путаным делам и заблудился. Знаете, как это бывает? С дорожки на дорожку, с тропинки на тропинку – и вот забрёл он уже невесть куда.

Это невесть что, куда он забрёл, оказалось очень странным местом. Нигде никого, зато повсюду какие-то канаты, верёвки, проволоки и всякое такое.

Ну, а путанику, сами понимаете, только этого и не хватало!

Тут же он зацепился за проволоку. Стал от проволоки отцепляться – запутался ещё и в верёвках. Стал из верёвок выпутываться, глядь – уже одна нога в канатную петлю попала, а на другую рваная сетка намоталась. То есть запутался он совершенно.

Да ещё какой-то голосок справа нашёптывает: всё, мол, путник-путаник, не вырваться тебе уже отсюда. Покосился путаник вправо – никого нет. А голосок нашёптывает и нашёптывает.

И в самом деле, чем больше дёргался путаник, тем больше увязал он во всех этих дурацких верёвках, проволоках, канатах и сетках.

Отчаялся он. Понял, что всё кончено, – и махнул на всё рукой! Кстати, сильно махнул, отчаянно.

И вдруг показалось ему, что от этого взмаха он чуть-чуть вверх приподнялся. Взял он, да и второй рукой на всё махнул. Ещё отчаяннее. И опять показалось, что чуточку приподнялся.

Это только показалось, показалось, – раздаётся шепоток в правом ухе. А в левом ухе другой голосок раздаётся, позвонче, хотя тоже непонятно откуда: давай-давай, маши сильнее, раз уж ничего больше не получается, отчаяние тоже штука полезная.

Да ну его, этот правый шепоток, подумал путаник, что-то в нём смысла нет никакого, послушаю-ка я лучше тот голосок, что слева. Замахал он изо всех сил руками – и надо же: стал вверх подниматься!..

Тянулись, тянулись за ним верёвки, канаты и проволоки, сколько у них длины хватило, а потом на землю упали. Оставил путаник всю путаницу внизу – и улетел.

Рассказывают, он с тех пор стал жить по-другому. Его и путаником-то больше никто не называет. А имя его я не скажу. Мало ли кто когда путаником оказался. Да и сам я был путаником...

Зрячий свет

Главное из наших средств ориентирования – это, конечно же, наш собственный разум. Разум, понимаемый не как сознание и не как способность к рациональному, логическому суждению, а как способность к осознанию жизни в более глубоком смысле. Способность видеть органическую связь явлений друг с другом.

*У слова «разум» много значений. Каждое из них со своим смыслом.
Но тот смысл, на который мы здесь опираемся, особенно важен.*

Разум – «источник жизни человека» («Ветхий Завет»). Это «движущая сила, которая доводит рассудок до той границы, где он терпит поражение» (Ясперс). Это «лазутчик внеприродного» (Стив Клайпз Льюис). Это «часть божественного духа, погружённая в тело людей» (Сенека). Это «понимание сущности вещей» (Мо-цзы), «сознательное бытие духа» (Якоби), «способность живого к истине» (Александр Круглов). Это «способность видеть связь общего с частным» (Кант). «Это высшее соединение знания и самосознания, то есть знания о предмете и знания о себе» (Гегель).

Разум – это зрячий свет.

Зрячий свет, соединяющий в себе возможность видеть – с желанием видеть. Возможность ориентироваться – с желанием ориентироваться во внутреннем и внешнем мире.

Эта способность к видению связей является первостепенной и для философии, и для религиозного движения души.

Разница лишь в том, что для философии важны многие структурные связи, а для религиозного сознания – одна, но самая главная Связь.

В той степени, в которой для нас важно наше обыденное существование, мы направляем свой разум на увязывание друг с другом «земных» вещей и явлений. Этот разум в домашнем халате, этот земной увязыватель обычно называют рассудком или здравым смыслом, и в этом амплуа он до поры до времени вполне нас устраивает.

Но разум способен на большее. Он неминуемо приходит к этому большему, когда в процессе ориентирования обнаруживает, всё чаще и всё увереннее, что для верного представления необходимо искать не только правду (факт), но также истину (стержень фактов). Соединение фактов с их первоосновой, обнаружение и увязывание смыслов – это то дело разума, которое называют философией.

Когда же у нас просыпается потребность в увязывании самих себя с высшими измерениями жизни, – разум и тут оказывается первым нашим помощником. Только теперь он имеет дело с проблемами большего масштаба и напряжения. Это уже не портной, занятый швами и шнуровками повседневности. Это – молния, соединяющая землю и небо друг с другом.

Само слово «религия» говорит об установлении или восстановлении некоторой особой связи. Связи с Высшим.

Внутреннее переживание этой связи – чувство веры – играет для человека огромную роль. Но именно разум может наилучшим образом поддержать, укрепить, высветить это чувство среди других явлений внутреннего мира. Веру, полностью поддерживаемую разумом, уже трудно называть чувством. Она становится знанием, мировоззрением, образом жизни.

Другое дело – может ли разум сам сформировать в душе чувство веры? Может ли вырастить его из неприметного зёрнышка? Или может лишь открыть душу для небесных семян?.. Ответит ли кто-нибудь с полной уверенностью на эти почти риторические вопросы?..

Не дожидаясь почти риторических ответов, будем всё-таки говорить о вере именно как о самостоятельном человеческом чувстве. Наверное, это достаточно разумный подход.

Надеюсь, что склонность автора к каламбурам не расстроит читателя. Хочется иногда шуткой смягчить напряжение, созданное серьёзностью темы.

Чувство веры

К чему только не применяют слово «чувства»! Чувствами называют и ощущения, и органы, снабжающие нас этими ощущениями, и эмоции, и само сознание человека, и всевозможные проявления внутренних переживаний... Поэтому уточним сразу: о чувстве здесь будет говориться как об одной из сущностей душевной жизни человека. Как о некотором внутреннем существе, воспринимающем свой круг явлений и порождающем свой круг эмоций.

Эти существа – чувства – могут тянуть человека каждое в свою сторону. Счастлив тот, кому удаётся достичь их согласия друг с другом, внутренней гармонии. Но, удаётся или не удаётся нам это, в любом случае наши чувства несут нам жизненный опыт. В любом случае они активно участвуют в нашей жизненной ориентации – и уже поэтому заслуживают всяческого внимания.

О чувствах как жителях нашего внутреннего мира подробно говорится в книге «Человек среди чувств». Но куда интереснее разглядеть их в себе: ЭТА книга всегда под рукой.

Ориентирование во внутреннем мире представляет собой парадоксальную область философии. Каждое явление в моём внутреннем мире уникально. Но именно общечеловеческий опыт переживания и осмысления внутренних событий помогает мне глубже осмыслить каждое такое уникальное явление, помогает соединять их в единую картину.

Население душевного мира своеобразно у каждого, однако главные человеческие чувства во многом схожи. Это позволяет говорить о чувстве любви, о чувстве веры, об этическом чувстве, о чувстве прекрасного... Хотя чувства изменяются с течением времени и с изменением обстоятельств, хотя они зарождаются и гибнут, хотя чувства разных людей всегда различаются, порою разительно, но всё-таки основных видов чувств не так уж много.

Главный наш герой среди них – чувство веры.

Именно чувство веры даёт нам внутреннее, переживательное представление о Высшем как о важнейшем ориентире в лабиринте бесконечных подробностей жизни. Это чувство, которое может стать главенствующими в сознании человека, во многом определяя его внутреннюю и внешнюю жизнь.

Как переживание чувство веры совершенно индивидуально. Об этом можно судить по великому множеству религиозных учений. Да и в рамках одного вероисповедания каждое чувство веры имеет столько своих особенностей, что порою можно говорить о нём как о личной одноместной конфессии.

Если добавить сюда и «чувство безверия», с его собственным разнообразием, получается эффектный упрощённый вариант завершения религиозных споров: каждому по персональной религии. Но всё гораздо сложнее.

При всём этом разнообразии многие ориентиры, найденные чувством веры, обладают несомненным сходством, вплоть до совпадения. Даже когда речь идёт о разных народах и разных эпохах, мы находим глубокие созвучия между искренними переживаниями верующих людей. И при всех индивидуальных особенностях чувства веры именно оно становится основой общих религиозных идеалов, основой соединения верующих, возникновения общин и церквей.

Такое сочетание индивидуальности и общности для внутренних переживаний, связанных с чувством веры, позволяет говорить об определённых *реалиях* внутренней жизни, имеющих общечеловеческое значение. Эти переживания существуют. Это факты человеческой жизни, личной и общей.

Удовлетворимся сейчас этим.

Не будем спешить устанавливать соответствие этих переживаний реалиям внешнего мира. Как факты внутреннего мира эти переживания чувства веры чрезвычайно важны каждому, кто имеет с ними дело. И даже тот, кто в своём внутреннем мире пока таких фактов не замечал, всё-таки должен признать их значение для людей, имеющих иной жизненный опыт.

Среди других чувств

Хотя образы наших чувств, наших жителей внутреннего мира, достаточно условны, но у каждого из них есть свой характер и свой стиль восприятия жизни. Неправильно было бы механически относить к чувству веры всё, что имеет отношение к Высшему.

Другие чувства тоже могут многое сказать нам о Высшем – по-своему, в соответствии с собственной природой. Оглянемся и на них.

*Развитое чувство веры может все эти ощущения вобрать в себя.
Но человеку пред-верия они важны и сами по себе.*

Чувство прекрасного позволяет нам видеть творческую осмысленность там, где рационализм видит случайное или закономерное сочетание разнородных факторов. Помогает ощутить собственный творческий порыв как особый импульс в общем замысле мира. Позволяет познавать себя и мир особым образом – через восприятие творчества или через осуществление его.

Чувство любви приоткрывает нам возможную высоту тех переживаний, на которые способен человек. Свидетельствует о необходимом существовании вечности как той реальности, которая только и может быть созвучна подобным переживаниям. Размыкает границы индивидуальности и тем самым выводит нас в мир полноценного взаимодействия душ, их открытости Духу.

Этическое чувство ориентирует нас в нашем поведении, и само стремление к такой ориентации говорит о многом. Это чувство помогает нам определять не только свои повседневные поступки, но само направление жизни. Сводя воедино многочисленные этические ориентиры, оно побуждает тем самым к осмыслению их природы, их высшего источника.

Чувство родства – при всём его органическом, инстинктивном характере – служит начальной школой понимания других жизненных связей, более высоких и более значительных. Оно даёт нам ключевые переживания, которые помогают отличить естественную иерархию отношений от главенства и подчинения, основанных на силе.

Социальное чувство помогает ощутить единое пространство сосуществования людей, переплетение судеб. Подводит к возможности соборного восприятия жизни. Ведёт от переживания своей личной судьбы к переживанию судьбы народа, судьбы человечества. Мы расширяем восприятие жизни до принципиально других масштабов, и это располагает нас к следующим ступеням постижения.

Чувство призвания ориентирует нас в окружающем мире стратегически. С его помощью мы угадываем и осуществляем, насколько удаётся, свою собственную жизненную роль. И через собственное призвание можем ощутить тот замысел, который лежит в основе мира, одухотворяет его и наполняет смыслом.

Чувство дружбы преображает наши житейские отношения с особым для нас человеком. Дружба помогает освободиться от бытовой и психической механики, соединяя людей душевной и духовной связью. Показывает нам, какими могут стать отношения между людьми, когда они открыты верхнему свету.

Чувство долга служит стержнем натуры для многих людей. Оно приучает нас к радости творческого подчинения более высокому началу. К осуществлению своей роли в русле более широкого замысла, даже если мы не можем полностью охватить его.

Чувство логики (а логику по всем признакам естественнее считать одним из чувств, чем отождествлять её с разумом) несёт колоссальный заряд ощущения гармонии и разумности мироздания. Логика позволяет нам упрочить мировосприятие, прокладывая тропинки от переживания к переживанию, связывая друг с другом факты, восходя от мелких подробностей жизни к общим принципам бытия.

Каждое из этих чувств способно дать нам свои представления о том, о чём более прямо и глубоко свидетельствуют и разум и чувство веры. Различные виды переживаний схожи в одном: чем глубже эти переживания, тем острее ощущение внутренних реалий, связанных с ними. Среди них мы и находим ориентиры, говорящие о Высшем.

Таким образом, философия, устремляя внимание на внутренний мир человека, соприкасается здесь с религиозной проблематикой практически во всём. Свидетельства о Высшем разнообразны. Каждому из наших главных чувств есть что сказать об этом – лишь бы мы готовы были слушать.

Сказка про Пофю и Нигугу

Как бы объяснить, каким был Пофя? Ну, вот такой – с руками-ногами, со щеками и носом. В общем, обычный. Была, правда, у него одна особенность. На всё он буркал: «Ну и что?». Впрочем, что в этом особенного?..

Он дружил с Нигугу, хотя она была на него вовсе не похожа. То есть руки-ноги у неё тоже были, но гораздо изящнее. Правильнее сказать: ручки и ножки. Ну, конечно, и щёчки, и носик. Она никогда ни на что не буркала. И вообще предпочитала мудро помалкивать.

Жили они в Карнавальном городе. Все там ходили в масках. Да-да, совершенно все. Пофя и Нигугу тоже. Они друг друга без масок никогда и не видели. Румянец на щеках у них был нарисованный, а пофин нос и нигугушин носик – приклеенные. Руки-ноги и ручки-ножки были настоящие, но всегда в карнавальных штанинах и в карнавальных рукавах.

«Ну и что?» – буркал Пофя, если кто-нибудь заводил речь на эту тему. А Нигугу вообще об этом помалкивала.

В их городе у всех домов были картонные фасады. Иногда фасад был большой, а домик за ним маленький. Иногда наоборот, хотя гораздо реже. Мостовые и тротуары были фанерными. Небо было из голубого шёлка, по нему каталось жёлтое надувное солнце и скользили ватные облака. А деревья все были увиты мишурой или светящимися гирляндами.

В этом городе полагалось обязательно веселиться. И не полагалось нарушать карнавальные украшения. Стоило кому-то попробовать заглянуть за картонный фасад или приподнять маску, свою или чужую, тут же выскакивал карнавальный солдатик из Главного дома и грозил нарушителю острым пальцем.

Пофя из-за таких мелочей не огорчался. «Ну и что?» – буркал он, когда кто-нибудь жаловался на строгого карнавального солдатика. А вот Нигугу всегда очень хотелось увидеть Пофю без маски, но она об этом и не заговаривала.

Однажды Нигугу заболела. Позвал Пофя к ней врача, а тот говорит:

– Осмотреть бы надо больную, да вот маска мешает.

– Ну и что? – буркнул Пофя. – Значит, снять надо.

Не успел он это сказать, как из Главного дома выскочил карнавальный солдатик и погрозил ему острым пальцем. Врач испугался и тут же исчез. Погнался за ним Пофя, да за картонными фасадами не разберёшь, куда он подевался. И другие врачи тоже попрятались.

А Нигугу всё хуже становится.

Подбежал тогда Пофя к Главному дому, ухватился за его картонный фасад – и отодрал его. А за фасадом и нет ничего. Даже карнавальный солдатик куда-то делся.

Ухватился Пофя за шёлковое небо, стянул его вниз, а за ним настоящее небо показалось. Настоящее Солнце так в вышине засияло, что надувное тут же лопнуло со стыда. Настоящий ветер подул. Настоящие птицы запели.

Скинул Пофя свою маску и с Нигугу маску снял. Кстати, щёчки и носик у неё под маской гораздо симпатичнее оказались. И чувствовала она себя всё лучше и лучше, даже совсем хорошо – от просторного неба, от солнечных лучей, от птичьего пения. Ну, и от того, что её Пофя таким героем оказался, да ещё таким красивым без маски.

А вокруг уже и остальные спохватились. Картонные фасады отдирали, маски с себя стягивали. Не все, правда. Некоторые так в масках и остались. Кое-кто из них, честно говоря, даже отправился карнавального солдатика разыскивать, чтобы тот всё по-прежнему устроил.

Но Пофя и Нигугу уже ни на что не обращали внимания. Всё глядели и не могли наглядеться друг на друга – на свои настоящие лица.

Учения и постижения

Разум и чувства постоянно расширяют наш внутренний опыт ориентирования. Расширяет его и знакомство с переживаниями других людей. Не философическое, созерцательное знакомство (вот, мол, сколь разнообразны или похожи люди), – а знакомство созидательное, собственно философское. Осмысление общего опыта приводит к возникновению философских и религиозных учений, каждое из которых является своего рода ориентирующей системой.

Конечно, религиозные учения обычно ведут свою историю от пророков и чудесных событий. Но дальнейшее существование и развитие каждой из них зависит от бесчисленных крупиц опыта веры тех, кто причастен к этому учению.

Учения, вбирающие в себя опыт веков и эстафету озарений, необходимы человеку, даже если он не знаком ни с одним из них. Ведь способность человека к ориентированию во многом зависит от ориентирующей способности его окружения и всего человечества. Я буду тем более способен (хотя бы потенциально) осознавать происходящее со мной и направлять свою судьбу, чем более способен к этому человечество. Быть может, в виде случайно оброненной кем-то фразы придёт ко мне квинтэссенция взглядов великого мыслителя. Быть может, от рождённой ею мысли дрогнет стрелка внутреннего компаса и начнётся преобразование личности. Этого может и не быть. Но важно, чтобы вокруг были такие возможности.

Религиозные учения в этом смысле более динамичны, чем учения чисто философские. Задачи религиозных учений не ограничиваются умозрительной сферой. Они заняты постоянным осмыслением своих главных ориентиров и приложением их к жизни. Они проповедуют те линии поведения, которые считают приоритетными. Они помогают своим приверженцам в расширении внутреннего опыта чувства веры – и тех чувств, которые поддерживают его.

Может показаться, что о религиозных учениях здесь говорится слишком идеалистично. Но это не социологическое исследование. Будем судить о каждом учении по его высотам, а не по разновидностям его спадов.

Церковь (как объединение одинаково верующих), община (как непосредственное окружение верующего человека), религиозные обряды – всё это позволяет религиозному учению быть ближе к повседневной практической жизни человека, чем учению внерелигиозному, располагать большей ориентирующей силой. Всё это побуждает даже к парадоксальному выводу о том, что в религиозном учении больше практической философии, чем в учении чисто философском. Недаром политики, делающие ставку на атеистическое учение, поневоле начинают придавать ему псевдорелигиозную структуру.

Но здесь есть и обратная сторона медали. Активнее вторгаясь в повседневную жизнь человека, религиозные учения могут оказывать на него чрезмерное психическое давление, обволакивать его традицией и ритуалом, снижать критичность восприятия. Попадая в психологическую зависимость от хорошо разработанной ориентирующей системы, человек лишается внутренней свободы собственного ориентирования (включающей и постоянную возможность переориентации). Философскому учению, если оно не превратилось в идеологию, это не свойственно. Оно само вырастает из свободы мирозерцания и подразумевает её в собеседнике.

Так или иначе, какими бы свойствами ни обладали ориентирующие учения, они возникают из внутреннего опыта многих людей, но опираются на внутренний опыт отдельного человека, на те постижения, через которые он проходит сам. Они могут интерпретировать переживания человека, могут говорить о недостаточности внутреннего опыта и сулить ему новые важные постижения в будущем, но только наш собственный внутренний опыт (и внешний, конечно, являющийся во многом его источником) позволяет учению вступать с нами в ориентирующие отношения.

Поэтому каждый человек является одновременно и полем сражения учений, и их полновластным арбитром – хотя бы для себя самого, хотя бы на сегодняшний день. И какой бы кредит доверия я ни оказал учению, рано или поздно должен настать момент, когда я спрошу себя о том, насколько предложенные им картины мироустройства совпадают с тем, что я вижу вокруг, и с тем, что я переживаю.

Спекулятивные учения боятся этого момента и стараются даже исключить его возможность с помощью психического воздействия. Будем внимательны!

Между внутренним и внешним

Философия не может свести все средства ориентирования в какую-то единую систему, хотя многие учения и пытаются сделать нечто подобное – в естественных поисках убедительности. Условной является и та модель, которая говорит о разуме и чувствах как об основных реалиях внутреннего мира. Иногда ориентирующие нас импульсы имеют настолько своеобразный характер, что нет смысла притягивать их к этой схеме.

Примером может служить та внутренняя позиция, которую можно назвать *экзистенциальной точкой виденья*. Речь идёт об особом свойстве сознания (это может быть органичное душевное свойство или выработанная способность) уводить своё внимание и от внутреннего и от внешнего мира. Такое состояние позволяет нам получить доступ к новым ориентирам, не входящим во внешнюю картину мира и не принадлежащим к собственно внутренним переживаниям. Мы как бы заглядываем в щель между этими мирами. Или – начинаем непосредственно улавливать идущий в наше сознание свет сверху. Или – входим в соприкосновение с реальностью более высокого плана, чем внешняя или внутренняя реальность...

Хотя к экзистенциальному опыту нас иногда приводит то или иное из наших глубоких чувств, этот опыт является совершенно особым средством ориентирования. К нему обращаются и многие религиозные учения, помогающие человеку выработать в себе навыки подобного восприятия.

Слово «экзистенциальный» выглядит страшновато, хотя и произведено всего лишь от корня «существование». Метче было бы назвать такой взгляд бытийным (относящимся к бытию самому по себе). При этом возникает любопытное противопоставление событийному взгляду (привязанному к явлениям и событиям).

Другой пример не так схож с предыдущим, как может показаться на первый взгляд. Это представление о *благодати* как о внеприродном воздействии Высшего на сознание человека. При этом человек получает доступ к восприятию определённых явлений *с непререкаемой степенью очевидности*. В некоторых случаях он может не считаться с этой очевидностью, но никак не может отрицать её.

В отличие от экзистенциального состояния, благодать – это действующая на человека сила. Её невозможно выработать в себе.

Что касается свидетельств такого опыта, об их достоверности можно судить и психологически (как мы судим о достоверности любых свидетельств, относящихся к внутреннему опыту), и по дополнительным приметам (например, возможность предвидения, ясновидения и пр.). Впрочем, как и все другие свидетельства, они могут быть подвергнуты сомнению.

Существуют и различные другие переживания, состояния, озарения, которые расширяют и обогащают наши обычные человеческие возможности. Иногда их обобщённо называют состояниями изменённого или расширенного сознания. Известно и много других терминов, но терминология ещё ничего не решает.

Для человека, который реально испытал важное для него состояние, оно является внутренне достоверным фактом вне зависимости от того, найдётся ли для него название. Человеку, который узнаёт о тех или иных состояниях со стороны, приходится вырабатывать собственную оценку их достоверности. Ему приходится по-своему оценивать их субъективность (принад-

лежность к чужому внутреннему миру) или объективность (принадлежность к общему миру, но назовёшь ли его внешним?). В зависимости от этой оценки термин наполняется для него тем или иным содержанием.

*А если не наполняется, мы пожимаем плечами: экое пустословие!
Но, может быть, не слову, а нам самим не хватило наполнения?..*

Всё это говорит о том, что в нашем распоряжении могут оказаться самые разные средства ориентирования по отношению к Высшему. Приведённые примеры их не исчерпывают. Но дело не в том, чтобы сосчитать или расклассифицировать эти средства. Важно знать об их разнообразии для того, чтобы уметь их узнавать, уметь пользоваться теми из них, которые оказались в нашем собственном распоряжении. Философия должна сделать всё, что может, для того, чтобы подготовить человека к освоению самых глубинных возможностей, даже если эти возможности выводят его за пределы философии.

Суперкосмическая сказка

Бродинг закончил Академию Лучших Космонавтов с отличием, и ему доверили впервые в истории человечества отправиться в центр Галактики. (Да, забыл сказать, что это было в далёком будущем.)

Ещё совсем недавно о таком полёте нельзя было и мечтать. Ведь наше Солнце с нашей Землёю находятся на самой краешке нашей Галактики. Но тут изобрели, наконец, новый космический корабль, который мог лететь между настоящим временем и будущим, так что оставалось только найти подходящего космонавта. Таким и оказался Бродинг. Он очень много читал, очень много умел и очень хорошо соображал. На всякий случай у него было десять дублёров, но Бродинг был ужасно закалённым и к тому же берётся сквозняков, так что повёл новый космический корабль именно он.

Поскольку корабль летел между настоящим и будущим (особое искусство требовалось, чтобы не сбиться в прошлое), он долетел в центр Галактики так быстро, что Бродинг не успел ещё проголодаться после завтрака, как уже сидел на торжественном обеде у центрально-галактических инопланетян. Короче говоря, у цегалей.

Цегали были очень приветливы и очень искусны в космоплавании. Они как раз недавно изобрели космический корабль, который мог лететь между временем и пространством. Он уже был готов к отлёту в центр Вселенной – Центральную Галактику. Ведь мы знаем, что и Галактика наша (к центру которой добрался Бродинг) довольно далеко от самого центра мира.

Вести межгалактический корабль должен был Далинг, лучший космонавт цегалей. И вот – из уважения к космическому гостю цегали разрешили Бродингу лететь вместе с Далингом.

Полетели они между временем и пространством с такой скоростью, что к ужину были уже в центре Вселенной, у тамошних жителей цевселей.

Цевсели очень обрадовались Бродингу и Далингу. Они вообще были радостными существами. Ещё бы им не радоваться – живут себе в самом центре Вселенной, никуда уже и лететь не надо. Но в этот день они особенно радовались, потому что как раз закончили приготовление к полёту, о котором мечтали давным-давно.

– Понимаете, – объясняли цевсели Бродингу и Далингу, – мы по Вселенной уже налепались. Интересное занятие, ничего не скажешь, но очень уж для нас обычное. Зато потом мы открыли новый вид путешествий: путешествия внутрь. Внутренние миры, оказывается, такие же безграничные, как и внешний мир, как наша Вселенная. Теперь у нас и аттестат зрелости не выдадут, пока цевсель по своему внутреннему миру не полетает как следует. Но уж такое путешествие, как сейчас задумано, – это впервые. Мы ведь создали корабль, который между внешним и внутренним миром полетит!

Подивились Бродинг и Далинг такому плану. Пошли они вместе с лучшим цевсельским пилотом Глубингом осматривать новый корабль – и тут удивились ещё больше. Вроде бы похоже на космолёт: высокий, обтекаемый, нос в небо направлен. Да только никакого взлётно-устройства не видно, никакого двигателя. Стоит корабль на земле, словно дом, и обычная дверь в него ведёт – без всякой герметичности.

– Зачем же здесь герметичность? – улыбается Глубинг. – Это же не просто по космосу полёт. Здесь всё гораздо сложнее. А вы хотите со мной полететь?

– Конечно! – хором ответили Бродинг и Далинг. – Неужели это возможно?

– Возможно вместе отправиться, – кивнул Глубинг. – Только вот пункт прибытия у каждого свой будет. И впечатления свои особые. Такое это необычное путешествие.

Но не испугались смельчаки-космонавты необычности. Отправились все трое на новом корабле – и не пожалели...

Освоение высшей реальности

Отказываясь здесь от теологических рассуждений, от обсуждения мировоззренческих теорий, предлагаемых тем или иным религиозным учением, сосредоточим внимание на практической стороне дела: на том, как относиться к религиозной реальности. К реальности тех переживаний присутствия Высшего в нашей жизни, которые испытываем мы сами или испытывают люди, пользующиеся нашим доверием. К реальности тех религиозных традиций, с которыми мы встречаемся тут и там. К реальности существования разнообразных общин и церквей, организующих свою деятельность на основе своего восприятия Высшего. Как ориентироваться во всём этом обычному человеку, не желающему притворяться, будто ничего этого не существует, но стремящемуся оставаться хозяином своего мировоззрения?

Такое ориентирование вполне можно назвать высшим ориентированием. Ориентированием в высшей реальности, тем или иным образом проникающей в нашу реальность, в наше восприятие жизни.

Эпитет «высшее» не для того, чтобы им гордиться. Вот, мол, каков я: высшим ориентированием занимаюсь!.. Скорее он подчёркивает степень важности. Или степень сложности – не в применении найденного, а в переходе от личного опыта к общему.

Какими же могут быть *практические* задачи этого высшего ориентирования?

Конечно, эти задачи всегда носят личный характер. Ведь у каждого свой багаж переживаний, своё государство чувств, свой опыт общения с другими людьми. И всё же попробуем привести наиболее существенные примеры задач такого рода. Никто, кроме нас самих, не поставит их перед нами со всей полнотой. Никто, кроме нас самих, не решит их за нас с той внутренней искренностью, которая для этого необходима.

Задачи высшего ориентирования

Прежде всего – это понимание самой необходимости религиозного ориентирования. Признание того, что в нашей жизни существуют важные вещи, которые невозможно исчерпать чистым отрицанием или накоплением рационального знания. Преодоление стихийного, внушённого или идеологического атеизма как чисто отрицательного подхода.

Выработка собственного отношения к знанию, к сочетанию рационального понимания с интуитивным. Знакомство с различными путями познания: на уровне информированности или на уровне освоения. Выбор своих путей на том или ином этапе жизни.

Развитие внимания к внутренней реальности, к своим главным чувствам, к их взаимодействию друг с другом. Освоение основных средств ориентирования, их развитие. Внимание к тем ощущениям и переживаниям, которые могут быть свидетельствами существования высшей реальности.

Создание внутренних условий для свободного развития чувства веры. Речь не о том, чтобы во что бы то ни стало форсировать его развитие, рискуя при этом создать в своей душе некий искусственный фантом. Важно лишь не препятствовать постепенному росту естественного чувства, хотя это «лишь» требует порою устранения мощных внутренних зажимов. Препятствиями являются и горы различного внутреннего мусора, от которого необходимо избавляться, чтобы душа не пряталась от неудобных ей истин.

Знакомство с религиозным опытом человечества: с религиями, с учителями веры и их учениями, с принципами развития вероучений, с историей возникновения расхождений между конфессиями и преодоления этих расхождений (скорее на уровне личности, нежели на уровне организаций). Овладение способностью отделять действие социальных закономерностей от эволюции духовных постижений.

Освоение парадоксов религиозного сознания. Всякий путь мышления по мере своего развития обретает парадоксальность, идёт ли речь о строгой науке или о вольном искусстве. Приводит нас к парадоксам и чувство веры. Задача в том, чтобы не увязнуть в них, а использовать их движущую силу – для нового шага, прыжка или даже полёта.

Сопоставление своих духовных переживаний с опытом других людей. Поиски общения по большому счёту. Поиски своей церкви (может быть, и не носящей такого названия), своей общины (может быть, и не формальной). Участие в их жизни.

Переход к такому повседневному поведению, которое хотя бы не мешало внутреннему развитию, а лучше помогало бы ему. И вместе с тем – соответствовало бы самым глубинным внутренним представлениям о жизни. Это не так-то просто.

Переустройство своей жизни в целом так, чтобы вся она опиралась на приобретённый духовный опыт. Это уже не отдельная задача, а осуществляемая решимость, к которой нас побуждает всё, что добыто при решении других задач высшего ориентирования.

Религиозная помощь тем, кто в ней нуждается. Это не благодеяние, а духовная необходимость. Даже самая малая крупица знания о Высшем – такое достояние, которое просто

не может поместиться в чьём-то персональном сейфе. Не столько мы овладеваем этим знанием, сколько оно овладевает нами. И хотя каждый приходит к своим постижениям, в конечном счёте, самостоятельно, но наедине с ними оставаться не может.

Осознание каждой из этих задач становится уже началом её решения (конца у которого, наверное, не бывает). И вместе с тем многие люди решают свои духовные задачи иначе – интуитивно, без усиленной рефлексии. У каждого это происходит по-своему, в соответствии с его душевным организмом, в соответствии с его внутренней философией. Поэтому одним нужна поддержка учений, составляющих «внешнюю» философию, другим нужна поддержка той или иной религиозной традиции, а третьи стремятся обойтись своими силами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.